

Русская литература середины XIX века и социальное воображаемое

Алексей Вдовин, Илья Клигер,
Кирилл Осповат, Хелен Стур-Роммерэйм

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_84

Alexey Vdovin, Ilya Kliger, Kirill Ospovat, Helen Stuhr-Rommereim
From the Compilers

Наш блок продолжает разговор о «литературной социальности», в последние годы все чаще идущий на страницах «Нового литературного обозрения» в различных ракурсах. Если исследования литературных институций в рамках социологии литературы регулярно печатались в журнале с момента его основания, то этого нельзя сказать о другом аспекте — собственно репрезентации социального(-ых) порядка(-ов) в фикциональных текстах. В недавнем блоке статей под названием «Литературная эпистемология социального» (статьи Й. Херльта, Т. Венедиктовой, А. Корчинского и И. Бендерского о романах Бальзака, Диккенса, Толстого и Достоевского в № 1 (155) за 2019 год) речь шла в первую очередь о том, как литературный дискурс и, в частности, жанр романа эпохи реализма моделируют социальное устройство и отношения между людьми. Обращение к роману как наиболее социально гибриднему и «разноречивому» (М.М. Бахтин) жанру естественно и понятно, однако рассказ, поэзия и драма могут оказаться не менее интересны для анализа в этой перспективе¹. Предлагаемые в нашем блоке статьи поэтому не ограничиваются каким-то одним литературным жанром, но приглашают читать и интерпретировать любые жанры в перспективе того социального воображаемого, какое складывается (вместе с литературным полем и литературными институтами) в рамках конкретной литературной традиции.

1 Ср., например, блок статей о поэзии Н.А. Некрасова в «Русской литературе» (2021. № 4), в частности [Успенский, Федотов 2021] и [Флаэрти 2021].

«Социальное воображаемое» относится к числу наиболее неуловимых понятий в гуманитарных науках. Для социологов оно представляется слишком нестрогим и абстрактным, в то время как для филологов и литературоведов — слишком социологизированным, как будто бы напоминающим об оставшихся в далеком прошлом советских баталиях 1920—1930-х годов. Обращение к этому понятию в современной гуманитарной мысли, как правило, остается уделом скорее философов — таких, как Корнелиус Касториadis или Чарльз Тэйлор, цитируемых авторами нашего блока. Между тем, как напоминает в своей статье из нашего блока Илья Клигер, в российской филологии 1980-х годов можно обнаружить типологически близкий аналог этому понятию и стоящему за ним представлению о сложной диалектике социального и культурного. Речь идет об известном понятии Ю.М. Лотмана «сюжетное пространство», которым он в статье 1987 года описывал комбинаторные возможности и мифологические модели романских сюжетов, детерминированных культурно-семиотическим пространством конкретной эпохи [Лотман 1993: 95]. Согласно такой концепции, в романах оказываются возможны одни типы героев и сюжетных перипетий и совершенно невозможны другие. В статье позднего Лотмана социальное и социальность ожидаемо растворены во всеобъемлющем пространстве семиотического (семиосферы) — непрерывного означивания и переозначивания, однако они тем не менее то и дело прорываются в виде таких фраз, как «социальные структуры», «социально-культурная семиотика», «социальная открытость детектива». Тем не менее, когда возникает необходимость объяснения, почему для «классического русского романа XIX века» характерны те, а не иные сюжетные модели, Лотман обращается не к социальности, а к понятию «глубинных мифологических моделей». Прямо это не говорится, но можно догадаться, что, по Лотману, их специфика каким-то образом связана с «национальным типом сюжетного пространства». Примечательно, что в дальнейшем, анализируя, как в русскоязычном романе воплощаются эти мифологические модели, Лотман апеллирует к условной «европейской» норме, от которой русская траектория русских сюжетов все время отклоняется.

Размышления позднего Лотмана напоминают о множестве работ, посвященных «особому пути» русского романа и русской литературы вообще. В такой перспективе они часто предстают как уникальные, отличные от «западных» стандартов, и/или как ущербные, как будто бы «неправильные» (в зависимости от точки зрения на предмет). При всех достоинствах и эффектности такая объяснительная матрица «исключительности» чревата тем, что гипостазирует особость, часто избегая прояснения ее причин. Такой нарратив, как известно, начал складываться во второй половине XIX века, в частности в статьях Э.М. де Вогюэ, который объяснял уникальность русской литературы особым типом духовного опыта и спиритуализма, присущих русской традиции. Отсюда был уже один шаг до идеи превосходства творчества, скажем, Толстого и Достоевского над европейской литературой и их неоспоримого величия.

Как представляется авторам блока, обращение к понятийному языку «социальности» и «социального воображаемого» помогло бы разомкнуть круг, в котором литература и культура объясняются друг через друга и тем самым поддерживают воспроизводство «уникальности» и необъяснимого величия.

В качестве отправной точки в понимании «социального воображаемого» продуктивно использовать идеи философа Корнелиуса Касториадиса, который

в 1970-е годы попытался уйти одновременно и от семиотики, и от жесткого социологического понимания социальных институтов в область «воображаемого». В трактовке философа социальное воображаемое — это «обладающая внутренней связанностью система субъектов, объектов и их отношений... кривая, характерная для каждого социального пространства... невидимый цемент, связующий огромный пласт отложений элементов реального, рационального и воображаемого, составляющих любое общество... принцип, избирающий и наполняющий смыслом различные слои принимаемых обществом смыслов» [Касториadis 2003: 70].

Как подчеркивает И. Клигер в статье из нашего блока, «речь идет не о конкретных образах социальных отношений, а о специфических условиях социальности как таковой, ее актуализации и вообразимости, о некоем исходном членении и распределении изначально неопределенного бытия, которое философ называет “магмой”» (см. наст. номер, с. 000). При этом Касториadis настаивал на том, что социальное воображаемое полностью не принадлежит ни структурам сознания, ни объективно данной действительности. Оно скорее представляет собой коллективную деятельность людей по смысловому членению окружающего их пространства и бытия.

Хронологическое ядро предлагаемого блока охватывает литературу «эпохи реализма» (1840—1870-е годы)², но не ограничивается ею: в статье Кирилла Осовата обсуждаются тексты декабристов и Пушкина, а у Алексея Вдовина фигурируют сюжеты как Н.А. Полевого и М.П. Погодина, так и Чехова и Горького. Для реалистической эпистемологии, как известно, характерна установка на максимально полный охват (тотализацию) изображаемой реальности, в том числе сословий и социальных страт. В нашем блоке читатель найдет статьи о крестьянском поэте Савве Пурлевском, размышляющем о крестьянской демократии, о популярной профессии извозчиков, подавляющее большинство которых также было крестьянами; о дворянах и чиновниках в прозе Писемского и, наконец, о разночинцах.

Статья **Кирилла Осовата** рассматривает политическое воображение русского крестьянства XIX в. и его представления о свободе и демократии на материале двух сочинений, связываемых с именем крепостного предпринимателя и писателя С.Д. Пурлевского — его опубликованных посмертно «Воспоминаний» (1877) и анонимной поэмы «Вести о России» (1849). Отправляясь от этнографических свидетельств о республиканизме крестьянства и общинного уклада, автор задается вопросом о роли книжных литературных форм в фиксации крестьянского демократического мышления. Вопреки устойчивым дисциплинарным представлениям о «высокой» литературе — в том числе поэзии — как исключительном достоянии социальных верхов и, конкретней, литературских кружков и салонов, статья предлагает увидеть в литературе и художественной форме форум общественного мышления и речи, принципиально открытый авторам и читателям из разных сословий и классов.

Продолжая тему репрезентации крестьян в литературе, **Алексей Вдовин** анализирует генеалогию, морфологию и социологию весьма популярного в русской литературе XIX столетия сюжета об искушаемом деньгами извозчике. На основе репрезентативного корпуса более двух десятков текстов, как

2 О социальном воображаемом применительно к реализму середины XIX в. см. также: [Вайсман и др. 2020: 21—35].

канонизированных авторов (Н.А. Полевой, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, М. Горький), так и второстепенных и забытых, автор выявляет метасюжет большинства таких историй и предлагает социологическое и культурологическое объяснение, почему они были столь востребованы и почему искушался чаще всего именно извозчик. Как показывает исследователь, основная причина заключалась в том, что момент поездки с возницей и потенциальный разговор с ним воспринимался образованной элитой как момент редкого доверительного общения с представителем «народа» в режиме частичного снятия сословной дистанции. Сопоставляя литературный материал с историко-статистическими данными о социальном профиле реальных столичных извозчиков, автор усматривает явную корреляцию между популярностью сюжета и тем фактом, что абсолютное большинство извозчиков в Москве и Петербурге XIX века были крестьянами-отходниками из центральных губерний.

В статье **Ильи Клигера** роман А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858) рассматривается в свете методологической проблематики изучения «социального воображаемого» повествовательных жанров. Структура романа Писемского, начатого еще до начала предреформенного общественного подъема и завершенного в эпоху политизации публичной сферы и интереса к реформаторской государственной деятельности, отражает этот исторический разлом. В четвертой и заключительной части «Тысячи душ» в сюжетное пространство, которое в западноевропейском романе, как правило, строится на проблематике социализации индивидуумов и перипетиях их частной жизни, неожиданно вторгается вопрос о политическом устройстве. Статья проблематизирует эту характерную для русского реалистического повествования деформацию традиционного сюжетного и тематического материала, свидетельствующую о перестановке акцентов в рамках общего нововременного процесса производства социальности.

Наконец, **Хелен Стур-Роммерэйм** обращается к популярным в разночинской литературе 1860-х годов нарративам о взрослении/воспитании в прозе Н.Г. Помяловского, Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова и Н.В. Успенского. Сюжеты о становлении личности и социальной мобильности показывают, как эти писатели обосновывали свою литературную легитимность через апелляцию к общему для всех опыту. Сопоставляя произведения разночинцев с автобиографической трилогией Льва Толстого, авторка статьи высказывает предположение, что эти писатели воображали себя как социальный тип, определяемый способностью осмыслить экспансивную реальность русской жизни как форму социальной «полезности». В то же время внимательный анализ их сочинений обнаруживает многочисленные случаи утраты веры в способность литературного повествования придать связность стратифицированному социальному телу.

Библиография / References

- [Касториадис 2003] — *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой и С. Оферстата. М.: Гнозис; Логос, 2003.
- (*Castoriadis C.* L'Institution imaginaire de la société. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Лотман 1993] — *Лотман Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. III. С. 91—106.*
- (*Lotman Yu.M.* Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya // *Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Tallinn, 1993. Vol. III. P. 91—106.*)
- [Вайсман и др. 2020] — *Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Осповат К.* Введение. «Реализм» и русская литература XIX века // *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред.: М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клигер, К. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 5—66.*
- (*Vaysman M., Vdovin A., Kliger I., Ospovat K.* Vvedenie. "Realizm" i russkaya literatura XIX veka // *Russkiy realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie / Ed. by M. Vaysman, A. Vdovin, I. Kliger, K. Ospovat. Moscow, 2020. P. 5—66.*)
- [Успенский, Федотов 2021] — *Успенский П.Ф., Федотов А.С.* Гражданское как интимное: дискурсивный контрапункт в стихотворении Н.А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...» // *Русская литература. 2021. № 4. С. 38—51.*
- (*Uspenskiy P.F., Fedotov A.S.* Grazhdanskoe kak intimnoe: diskursivnyy kontrapunkt v stikhotvorenii N.A. Nekrasova "Noch". Uspeli my vsem nasladit'sya... // *Russkaya literatura. 2021. No. 4. P. 38—51.*)
- [Флаэрти 2021] — *Флаэрти Дж.* Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н.А. Некрасова // *Русская литература. 2021. № 4. С. 52—64.*
- (*Flaherty J.* Novyy chelovek i narod: liricheskiy golos i poeticheskoe narodovlastie u N.A. Nekrasova // *Russkaya literatura. 2021. No. 4. P. 52—64.*)